ГЛОБАЛЬНАЯ НАУКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ

ТРУДНОСТИ СОПРЯЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР БАЛЫШЕВ

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ВЛАДИМИР КОННОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье предлагается анализ конфигурации интересов, складывающейся внутри научных сообществ, которая характеризуется противоречием между исследователями, ориентированными на глобальное научное поле, и учеными, ассоциирующими себя прежде всего с национальным научным комплексом. Данная проблема рассматривается с точки зрения теорий «академического капитализма» и «транснационального капиталистического класса», отличающихся скептическим взглядом на глобализационные процессы. Цель анализа заключается в поиске причин, вызывающих противоречия внутри сообществ ученых, и в качестве основной предпосылки конфликта рассматривается расхождение интересов, возникающее между учеными, ориентированными на расширение своих возможностей за счет внутренних, главным образом, государственных ресурсов, и той частью научного сообщества, которая рассматривает в качестве приоритета участие в глобальной науке, в большей степени зависящее от связей с ее инфраструктурой — университетами «мирового уровня», транснациональными корпорациями и наднациональными организациями, финансирующими научные исследования.

В статье предлагается краткий исторический обзор международного развития науки в период с конца 1940-х годов по настоящее время. В качестве ключевых для этого процесса моментов рассматриваются: возникновение относительно четкого разделения между фундаментальной и прикладной наукой в послевоенные годы; взрывной рост в университетских исследованиях и высшем образовании в 1950-1960-х годах; реформы в области регулирования университетской интеллектуальной собственности и финансирования университетов в 1980-х годах; перелом в отношениях государства и науки в 1990-х годах.

В статье также обсуждается ряд случаев, изучение которых позволяет выявить причины возникновения в научном сообществе фракций, представляющих расходящиеся интересы. К ним относятся, во-первых, проблема участия в массиве публикаций на английском языке для ученых из неанглоязычных стран; во-вторых, вопрос создания университетов мирового уровня в странах с сильными научными традициями, отличающимися от американских, доминирующих в глобальном научном поле; и, в-третьих, столкновение между организациями, принадлежащими к двум разным уровням финансирования научных исследований в Европе — национальному и наднациональному.

На основе рассмотренных случаев делается вывод о взаимосвязи внутренней фрагментации научного сообщества с более широкими социально-экономическими противоречиями, главным образом — между глобалистски и локально ориентированными социальными группами.

Ключевые слова:

научное сообщество; академический капитализм; научная политика; университеты мирового уровня; национальные научные фонды; Европейский исследовательский совет.

Для связи с авторами / Corresponding author: Email: VIKonnov@vandex.ru

За последние два десятилетия среди социально-политических мыслителей произошел принципиальный сдвиг в представлениях о глобализации: большинство среди них сместилось от выраженного энтузиазма в область скепсиса или даже острой критики. При этом мало кто ставит под сомнение то, что мир действительно становится все более взаимосвязанным и «тесным», однако количество специалистов, склонных делать акцент только на положительной стороне этого процесса, игнорируя порождаемые им проблемы, заметно сократилось. Этот перелом затронул в том числе и круг исследователей, занимающихся вопросами научной деятельности и организации научного сообщества.

В настоящей статье предлагается исследование проблемы расширения поля глобальной науки с точки зрения теорий «академического капитализма» [Slaughter. Leslie, 1999; Slaughter, Rhoades, 2009] и «транснационального капиталистического класса» [Robinson, 2004; Sklair, 2000], которые как раз и отличаются скептическим взглядом на глобализацию. Исследование предполагает поиск истоков противоречий, возникающих в национальных научных сообществах в связи с формированием глобального научного поля. В качестве основной причины, порождающей конфликт, выделяется расхождение интересов внутри сообщества ученых, часть которых ориентирована на расширение своих возможностей за счет поддержки со стороны государства, в то время как другая часть рассматривает в качестве приоритета участие в глобальной науке, которое в большей степени зависит не от взаимодействия с государством, а от связей с организациями, обеспечивающими существование этого поля - университетами «мирового уровня», транснациональными корпорациями и в последние годы - наднациональными организациями, финансирующими научные исследования, в частности Европейским исследовательским советом (ЕИС).

В исследовании используется исторический материал, связанный с формировани-

ем глобального научного поля в период с конца 1940-х и по настоящее время. В сферу внимания статьи также включен ряд случаев, позволяющих проследить возникновение и развитие столкновений между фракциями научного сообщества, представляющими расходящиеся интересы. В качестве таких случаев рассматривается, во-первых, проблема участия в массиве публикаций на английском языке ученых из неанглоязычных стран; во-вторых, вопрос создания университетов мирового уровня в странах с сильными научными традициями, отличающимися от американских, которые доминируют в глобальном научном поле; и, в-третьих, столкновение между организациями, принадлежащими к двум разным уровням финансирования научных исследований в Европе — национальному и наднациональному.

1

Как и в политической или экономической сфере. глобализация в науке ассоциируется с набором «образцов», которые предположительно должны были стать обшими для всех стран. И если в политике в качестве такового принималось либеральное демократическое устройство [Фукуяма 2007], а в экономике — рыночная организация, выраженная в принципах «Вашингтонского консенсуса» [Williamson, 1990], то в организации науки центральное место занимал «предпринимательский университет» [Кларк 2011]. Так же, как политические и экономические образцы, он подразумевал, скорее, набор ориентиров, а не готовую к применению модель, и главным среди них была готовность к участию в коммерческой деятельности, то есть к тому, чтобы включить извлечение прибыли в круг университетских задач.

Выход на первый план именно этой черты был в принципе закономерным. Вопервых, рыночная идеология, которая служила основой мировоззрения сторонников глобализации, утверждала конкуренцию как лучший способ добиться эффективности любого общественного института. Статус некоммерческих организаций, которым обладают университеты, воспринимался в рамках этой идеологии не как зашита от давления практических приоритетов, затрудняющих развитие чистой интеллектуальной деятельности, а как уловка, позволяющая избегать напряжения, которое сопутствует участию в реальной экономической жизни, и при этом сохранять традиционные привилегии. Во-вторых. правительства все больше тяготились необходимостью в полном объеме финансировать колоссально разросшийся за послевоенные десятилетия вузовский сектор. Ситуация, в которой на высшее образование претендовало от трети до половины всех выпускников средней школы, явно превышала потребности государства в научно-технических кадрах, которые служили главным мотивом субсидирования вузов в 1940-70-х годах. *В-третьих*, напряжение вызывало и постоянное расширение спектра научных исследований, которое воспринималось как жизненно важная необходимость в условиях «холодной войны». однако перестало казаться критически значимым после завершения этого противостояния [Cohen, Kisker 2009; Rüegg 2011].

Провозглашение курса на расширение самостоятельности университетов, что по сути означало сокращение государственного участия в их финансировании, явилось в определенном смысле обратной реакцией на исторически аномальное расширение поддержки университетов во второй половине XX века. Главной причиной такого расширения послужило создание атомной бомбы - мощнейшего в истории человечества оружия, возникшего напрямую из фундаментальной физики: между опубликованием модели атома и началом работы над взрывным устройством прошло менее 30 лет [Rhodes 2012]. Это событие сделало развитие «чистой» науки, сосредоточенной в университетах, вопросом национального выживания и резко усилило статус университетского сообщества в политической жизни. Росту престижа ученых способствовали также и другие военные изобретения – радар, сонар, ракетные технологии и др.

Как результат, на несколько десятилетий в мировоззрении политиков закрепилось убеждение, что исследования в области физики и других естественных наук создают принципиально новые технологические возможности, контролировать которые не просто выгодно, но и жизненно необходимо, так как в противном случае исключительный контроль над ними получит противник. Подкреплением этому убеждению послужил запуск советского спутника, поставивший США перед фактом, что у них есть равный, а то и превосходящий их в научно-техническом плане соперник [Neal et. al. 2008]. Но даже соревнование в создании все более мощных ракет, с которым напрямую была связана космическая гонка, уже имело преимущественно инженерный, а не фундаментально-научный характер. Столь же стремительных скачков, как тот, который был сделан от открытия структуры атома к атомной бомбе, физика больше не демонстрировала.

В итоге к 1970-м годам политики начали охладевать к фундаментальным исследованиям, сосредоточенным в университетах. Конечно же, речь не шла о полном прекращении поддержки, однако со стороны государства начали раздаваться открытые напоминания, что от ученых ждут отдачи на затраченные средства. В США в духе консервативно-рыночной идеологии, взявший верх с избранием Рейгана, это означало необходимость доказать, что полученные открытия и изобретения могут находить спрос на рынке – иначе говоря, могут быть коммерциализированы [Mann 2001]. Одним из важнейших шагов в этом направлении стал закон Бея-Доула 1980 года, разрешивший университетам присваивать научные результаты, полученные за счет средств федерального бюджета. Данная мера была принята при активном лоббировании со стороны университетских администраций, прямо заинтересованных в возможностях реализовать доступную им интеллектуальную собственность [Neal et al. 2008].

Этот закон, послуживший образцом для аналогичных законодательных актов по всему миру [Siepmann 2004], стал при-

чиной быстрого укрепления связей университетов с корпорациями. Практически все исследователи организации науки сходятся во мнении, что принятие закона существенно изменило ситуацию в университетах. Однако если авторы теории «тройной спирали» склонны оценивать эту перемену как положительную и расширившую возможности университетов [Etzkowitz, Leydesdorff 2001], то сторонники концепции «академического капитализма» более критичны в своих оценках. указывая, в частности, на то, что довольно быстро выяснилось: реализовать на рынке можно лишь малую часть университетских изобретений, в основном же они не представляют коммерческого интереса [Slaughter, Rhoades 2009]. В то же время отдельные изобретения действительно позволили университетам выручить миллионные прибыли, значительная доля которых перераспределялась в пользу самих изобретателей. Еще выгодней для профессоров, сумевших запатентовать коммерчески востребованные изобретения, стало прямое участие в акционерном капитале компаний, создаваемых для реализации полученной ими интеллектуальной собственности. В результате в американских университетах сложилась немногочисленная, но обладающая значительным влиянием группа профессоровмиллионеров. Именно она составляет основу нового «капиталистического» класса в университетах, нарождение которого рассматривается как признак перехода университетов к новой - капиталистической – «формации».

В этот класс входят главным образом специалисты по научным направлениям, связанным с высокотехнологичным производством, прежде всего с информационнокоммуникационным сектором и с биотехнологиями, но также и с транспортом, энергетикой и некоторыми другими отраслями. Со стороны же социогуманитарных наук к ним примыкают все специалисты, участвующие в формировании идеологии этого класса, которая складывается из работ из различных социогуманитарных спе-

циальностей, объединенных под общей рамкой «экономики знаний».

Характерной чертой этого класса является его связь с транснациональными корпорациями. Речь идет об университетах, с которыми ассоциируется в первую очередь фундаментальная, а не прикладная наука. Представление об особом фундаментальном секторе исследований сложилось в послевоенные годы и во многом было связано с необходимостью выделить блок исследований, напрямую не связанный с вопросами безопасности. Как отмечает историк науки Дж. Криге, для американцев такой подход был, среди прочего, еще и методом «разделения труда», когда собственно военные разработки должны были осуществляться под жестким контролем правительства США, в то время как к участию в фундаментальных исследованиях можно было привлечь европейских союзников. Образцом в данном случае служил Манхэттенский проект, в ходе которого американцы сумели в сжатые сроки создать сложнейшую технологию, но основой для нее послужили открытия европейских ученых [Krige 2006].

Таким образом, фундаментальная наука фактически с момента своего официального признания развивалась как международная. В качестве же базы для ее развития в послевоенных США были сознательно выбраны университеты, находящиеся за пределами сферы прямого правительственного контроля [Bush 1960]. Одновременно прикладные исследования, нацеленные на получение практически применимых технологий, были сосредоточены в частных и правительственных исследовательских центрах, как правило взаимодействующих с университетами, но при этом в полной мере подверженных ограничениям, связанным с секретностью и служебной дисциплиной, что зачастую полностью исключало международное сотрудничество. Эта часть науки изначально оказалась тесно связана с корпорациями, либо прямо работающими на национальные стратегические интересы, либо конкурирующими с зарубежными компаниями за рынки сбыта для своей продукции.

2

Такое разделение, выглядевшее оправданным в 1940-60-х годах, стало казаться все более искусственным начиная с 1970-х. Разрастание высокотехнологичного гражданского производства и усложнение структуры научных исследований сделало практически невозможным четкое разграничение фундаментальной и прикладной науки: для университетов в этом плане главным стало то, что в их исследованиях, не связанных с производственными задачами, стали появляться востребованные в производстве результаты. Однако в большинстве случаев реализовать сложные технологические усовершенствования, предлагаемые университетами, могли только крупнейшие корпорации, выстраивающие многоступенчатые производственные цепочки. Значительная часть корпораций. способных на такие предприятия, уже имела транснациональный характер, и с учетом того, что для университетских профессоров изначально была привычной работа в международном поле, ТНК были для них естественным партнером [Nelson 1993].

Между тем, как уже говорилось, полноценно участвовать в этом сотрудничестве могла лишь небольшая часть университетских сотрудников. Более широким феноменом, предопределившим коммерциализацию университетов, стал перевод на рыночную основу самого высшего образования. К этому подталкивали, с одной стороны, стремительный рост спроса на вузовские дипломы, а с другой - нацеленность правительств, увлеченных неоконсервативной идеологией, на внедрение рыночных механизмов во все сферы, включая некоммерческий сектор. Сочетание этих тенденций привело, в частности, к переходу от финансирования учебных мест в вузах к субсидированию студентов, которые в результате приобрели право самостоятельно решать, какое учебное заведение получит выделенную на их обучение cymmy [Cohen, Kisker 2009].

С этим оказалось связано значительное падение ценности высшего образования как социального капитала. Главная причи-

на очевидна: когда вузовский диплом получают треть или половина школьных выпускников, он не может цениться так же. как ценился, когда был доступен лишь немногим. Однако массовость высшего образования повлекла за собой еще и подрыв доверия к университету. В ситуации, когда вузы начинают конкурировать между собой за студентов, у которых, в свою очередь, складывается впечатление, что вуз заинтересован в том, чтобы в него поступило и продолжало в нем учиться по возможности больше людей, авторитет и самого вуза, и его преподавателей заметно падает. В свете же того, что всё высшее образование построено на праве преподавателей оценивать студентов, которые, со своей стороны, практически лишены возможности оспаривать вынесенные оценки и предположительно должны принимать их как не подлежащие пересмотру суждения, дефицит преподавательского авторитета резко осложняет традиционный для вузов процесс обучения. Более того, значительная часть ценности высшего образования зависит от его способности функционировать в качестве системы интеллектуального отбора - высокий конкурс при поступлении и отсев в ходе учебы гарантируют по крайней мере то, что диплом может служить сертификатом незаурядных способностей и мотивации выпускника. Когда же вуз вынужден принимать всех желающих и к тому же его бюджет не позволяет ему отчислять неуспевающих, диплом резко теряет в цене.

В относительном выигрыше оказываются лишь немногие ведущие университеты. Рост свободы студентов в выборе места учебы с одновременным увеличением числа абитуриентов дает им возможность расширяться, сохраняя строгий конкурсный отбор и традиционный авторитет своих профессоров. Учитывая же, что в новых условиях факт востребованности у абитуриентов позволяет университетам влиять на перераспределение государственного субсидирования в свою пользу, это приводит к ситуации, в которой ведущие вузы получают дополнительные средства к росту, в то

время как позиции учебных заведений второго ряда еще сильнее ухудшаются.

Если смотреть на ситуацию с точки зрения международного развития, то нельзя не заметить, что значительная часть новых возможностей выпала на долю университетов англоязычных стран – преподавание на основном языке межнационального общения автоматически открывало им доступ на глобальный рынок высшего образования. Это позволило выйти на первый план вузам ряда стран, не имеющих сильных университетских традиций - в частности, Австралии и Новой Зеландии, – и одновременно стало препятствием, к примеру, для Франции и Италии, которым принадлежат старейшие университеты Европы [Shin, Kehm 2013].

Таким образом, развитие академического капитализма довольно отчетливо разделяет научное сообщество на выигравших и проигравших. С точки зрения научных исследований в первую группу попадают специалисты по направлениям, в которых научный результат находится близко к области технологий и легко фиксируется в качестве интеллектуальной собственности. При этом речь идет об ученых, которые работают в секторе фундаментальной науки, расположенном преимущественно в университетах, а не в прикладных исследовательских институтах, связанных обязательствами перед своими учредителями - государством или корпорациями. Наиболее четко соответствующий этому критерию пример - специалисты по информатике и вычислительным технологиям, хотя, конечно, речь идет не только о них. В свою очередь, с точки зрения преподавания академический капитализм оказался выгоден англоязычным вузам, а также факультетам, работающим по востребованным и в высокой степени интернационализированным специальностям в этом смысле, например, деловое администрирование выигрывает больше, чем юриспруденция и медицина - традиционно престижные, но имеющие жесткие привязки к национальным системам лицензирования и практики.

Соответственно складывается и группа, которой академический капитализм явно невыгоден. Это касается ученых, работающих над исследованиями, не способными приносить прибыль; вузов, не готовых переходить на английский язык — причем проигрыш от новой ситуации ощущается тем острее, чем более сильной является научная традиция страны, в которой они расположены; а также преподавателей специальностей, не связанных с новой глобальной экономикой.

Первая группа значительной уступает второй по численности, однако пользуется активной поддержкой университетских администраций, правительств и крупных Финский корпораций. исследователь Илка Каупинен характеризует ее как «информационную фракцию транснационального капиталистического класса». Основой для такой характеристики служит теория глобального капитализма Вильяма Робинсона, который определяет транснашиональный капиталистический класс как группу, контролирующую транснациональный экономический капитал, и выделяет в ней три фракции – промышленную, коммерческую и финансовую [Robinson, 2004]. Основанием для того, чтобы добавить к ним «информационную», Каупинен считает тот факт, что три фракции Робинсона не охватывают круг участников глобальной «экономики знаний» - «экономических акторов, для которых производство и продажа знание-емких товаров и/или интеллектуальной собственности, и/или транснационализация различных видов исследований и разработок являются ключевыми областями предпринимательской деятельности» [Kauppinen, 2013: 14].

К данной группе относятся в том числе и участвующие в этих процессах университетские ученые. Их производственной базой выступает интеллектуальная собственность, которая служит основой для установления связей с главными игроками глобального капитализма — транснациональными корпорациями, заинтересованными в контроле над этой базой: «С одной стороны, исключительные права обеспечи-

вают временные ограниченные монополии (подразумевающие монопольную прибыль), а с другой — работа преподавательского состава все чаще рассматривается как экономный способ аккумулировать интеллектуальную собственность. Так что нет ничего удивительного в том, что ТНК стремятся сотрудничать с университетами, у которых, в свою очередь, есть собственные причины для развития отношений с ТНК» [Каирріпеп, 2013: 6].

Ключевой чертой этой картины является то, что транснациональный капиталистический класс - это не объединение национальных капиталистических классов, а группа, контролирующая особый вид капитала и имеющая собственные специфические интересы, которые способны приводить к конфликтам с национальным капиталом. Экономическая база этого класса расположена в условном транснациональном пространстве – в глобальном торговом поле, регулируемом международными соглашениями, в международных финансовых центрах, аккумулирующих капитал со всего мира, в офшорной экономике, лежащей за пределами контроля национальных государств. В свою очередь, значительному усилению «информационной фракции» послужило включенное в перечень основных документов ВТО Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года, которое значительно расширило возможности защиты исключительных прав на глобальном уровне.

Транснациональный и национальный капиталистические классы не являются четко разграниченными общностями, однако и тот, и другой имеют свое ядро, которое в наиболее чистом виде выражает специфические интересы всей группы. Для национальных классов таковыми выступают корпорации, наиболее тесно связанные с государствами и зависящие от принимаемых ими мер по защите и поддержке национальных компаний. К ним относятся производители сельскохозяйственной продукции, ресурсодобывающие компании, производители вооружений и некоторые

другие. Речь ни в коем случае не идет о какой-то секторальной классификации, но эти отрасли представляют собой наиболее естественную среду сосредоточения интересов национального капитала. Безусловно, представленные в них корпорации могут действовать также и в глобальном поле, однако их характерной чертой является сильная зависимость от государственной поддержки, которая может выражаться в благоприятном регулировании, принятии протекционистских мер, лоббировании на зарубежных рынках и др. В противоположность им ядро транснационального класса воспринимает государства не столько в качестве поддерживающих структур, сколько как источник ограничительных мер, и соответственно, заинтересовано в сокращении государственного влияния, при этом допуская, что часть полномочий может отойти наднациональным инстанциям. Как отмечает Каупинен, в этом контексте имеет смысл рассматривать государства как «поле борьбы между транснационально и национально ориентированными капиталистическими классами, каждый из которых пытается оказать на государство влияние с целью продвижения собственных интересов» [Kauppinen, 2013: 7].

Характерно, что такое столкновение интересов встречается и в рамках самого государства – его проявления можно наблюдать и среди политиков, и среди государственных служащих. Внутри политического класса это заметно по делению на националистические партии, выступающие, как правило, за автономную экономическую политику, вплоть до изоляционизма, и, соответственно, усиление национальной промышленности, и условно, прогрессистские, делающие акцент на участие в глобальной конкуренции и расширение международных трансакций. Опять же, это деление не повторяет традиционную классификацию политических партий на «правые» и «левые», тем более если речь идет о двухпартийных системах, предполагающих крупные политические объединения, неизбежно тяготеющие к центризму. К тому же современные политики редко дают

пример постоянства в своих убеждениях. Однако если, например, судить по риторике, характерной для кандидатов на президентских выборах 2016 г. в США, то позиции «изоляционизма» и «глобализма» противопоставляются в ней в довольно отчетливой форме.

Противоречия присутствуют также и внутри государственных аппаратов. Если исходить из теории организации [Pfeffer, Salancik 2003], то определяющий интерес любого бюрократического сообщества заключается в расширении своей сферы регулирования. Соответственно, близость к интересам национального капиталистического класса свойственна, скорее, ведомствам, занятым вопросами безопасности и производственным сектором, а финансовые учреждения, регулирующие сектора, связанные с международным оборотом средств, скорее будут демонстрировать совпадения с транснациональным классом. И снова, ни о каком чистом секторальном делении речь идти не может. Если же говорить о министерствах, ответственных за образование и науку европейских стран, то в последние десятилетия они демонстрировали настойчивость в расширении открытости национальных рынков образовательных услуг и в подталкивании исследовательских организаций, в первую очередь университетов, к участию в международной научной конкуренции. Характерно, что в европейских странах эта политика часто встречала сопротивление со стороны значительной части ученых, то есть - той самой «информационной фракции» [Коннов 2013].

По сути, данную ситуацию можно рассматривать как отражение свойственного данной группе внутреннего напряжения. С «национальной» стороны здесь располагаются исследовательские центры, финансируемые государством или тесно связанными с ним корпорациями, а также университеты, критически зависящие от государственного бюджета, занятые подготовкой кадров на национальном языке и не имеющие перспектив выхода в глобальное поле ни через связи с ТНК, ни через участие в

международном рынке высшего образования. С «транснациональной» – сосредоточены университеты «мирового уровня». в той или иной степени работающие на английском языке, способные привлекать зарубежных студентов и активно взаимодействующие с корпоративным сектором в области проведения научных исследований. Важно еще раз подчеркнуть, что речь идет о зонах сосредоточения двух классов, а не о четкой границе между ними. Крупные университеты могут включать в себя подразделения и группы, ориентированные на прямо противоположные интересы, более того, граница, разделяющая классы, в конечном счете, проходит между людьми, принимающими ту или иную идеологию — глобализации, всемирного рынка и беспрепятственного движения лиц, товаров и идей, в случае с транснациональным классом, и приоритета военных, экономических и иных интересов данной страны – в случае с национальным. Естественно, что приверженцы разных идеологий могут находиться в одном вузе или даже на одной кафедре.

3

Территорией, на которой борьба двух идеологий особенно заметна, является Европейский Союз. Связано это прежде всего с тем, что Европа является родиной современной науки, и именно здесь находятся неанглоязычные страны, входящие в мировое «научное ядро». Языковые различия выступают базовым, хотя и далеко не единственным аспектом особых национальных научных культур таких стран, как Франция, Италия или Германия. На их примере хорошо видно, что гегемония английского языка создает сложности не только для ученых, находящихся в странах, которые можно отнести к периферии мировой науки, но и для тех, кто расположен в пределах высокоразвитых научных культур, которые, однако, сформировались на иной языковой базе. Эти проблемы не сводятся к дополнительной работе, которую вынуждены проделывать авторы, не владеющие английским языком как родным, чтобы опубликовать статью в ведущих мировых журналах, подавляющее большинство которых издается на английском. С учетом того, что определяющее влияние на соотношение позиций в «поле науки» [Бурдье 2007] играют именно публикации, выходящие в международных журналах, гегемония англоязычных изданий помещает публикующихся в них авторов в центр этого поля, в то время как не публикующиеся оказываются вытесненными на периферию. Такое расположение прямо влияет на перспективы распространения результатов, предложенных тем или иным автором: главное направление этой диффузии – из англоязычного центра к неанглоязычной периферии. Примеры обратного движения встречаются редко и к тому же, как правило, требуют англоязычного посредника, вводящего ученого с периферии в оборот международных научных изданий. Естественно, что расположение в центральной или периферийной зонах прямо сказываются на распределении научного признания, главным отражением которого считается цитирование: периферия активно цитирует центр, в то время как центр уделяет чрезвычайно мало внимания периферии [Canagrajah 2002].

Гегемония английского языка связана в том числе и с влиянием самих исследователей, представляющих англоязычные страны, которые чаще всего составляют большинство в редакционных коллегиях ведущих международных журналов. Закономерно, что их теоретические и методологические предпочтения влияют на отбор материалов для публикации.

Среди авторов, печатающихся в англоязычных журналах, наблюдается также разделение по теоретической или эмпирической специализации. Теория формулируется главным образом авторами из англоязычных стран, в то время как неанглоязычные издают преимущественно материалы, связанные со сбором и обработкой данных. При этом методология этих работ чаще всего также задается англо-американскими источниками. Это, конечно, не означает, что континентальная Европа не играет роли в формировании теоретической базы

научных дисциплин, однако эта роль реализуется не столько в форме взаимного влияния национальных интеллектуальных традиций, сколько в заимствовании отдельных работ, которые затем становятся частью именно англоязычного научного оборота. В качестве примера можно привести характеристику, которую дает состоянию дел в политической географии А. Пааси: «Ссылки на переводы работ Фуко, Делеза, Шмитта или Агамбена в настоящее время популярны в англоязычной литературе по политической географии. При этом во франкоязычной географии большинство этих авторов до недавнего времени практически не встречалось. Подобные теоретические заимствования становятся все более распространенными. и вновь образующиеся фракции географического сообщества берут на вооружение все новые философские идеи, при этом продолжая игнорировать собственно неанглоязычную географическую традицию» [Paasi, 2015: 519].

Другим примером может служить доминирование в международных журналах по теории международных отношений стиля, характерного для англо-американской научной культуры, на которое указывают И.А. Истомин и А.А. Байков: «Многие авторы, прежде всего европейские, которым так же, как и российской обществоведческой школе, присущ, скорее, дискурсивный стиль изложения научных результатов, признают, что фактически сложилась монополия англосаксонских журналов на методологию научной публикации в жанре статьи. Ученому-международнику не только из России, но и из Франции, Чехии, Венгрии, Германии сложно структурировать статью так, как это от него ожидают в англо-американских журналах: так писать у нас не учат ни в школе, ни в вузе» [Истомин, Байков, 2016: 133].

Столкновение «мировых стандартов» и национальной культуры происходит и на почве организации вузов. Формирование университетов «мирового уровня» входит в цели национальной политики всех стран, обладающих научным потенциалом, одна-

ко следует учитывать, что под «мировым уровнем» понимается организационная модель, имеющая американское происхождение и сложившаяся в уникальных условиях США [Коннов, Репина 2015]. Ее главные черты – формальная независимость университетов от федерального правительства и ориентация на финансовую автономию, которая сформировалась. во-первых, в силу того, что в отсутствие прямого правительственного финансирования университетам приходилось самостоятельно изыскивать средства, а во-вторых, благодаря мощному спросу на исследовательскую работу, возникавшему в условиях экономических бумов в США в конце XIX – начале XX веков, а затем – в годы после Второй мировой войны. Благодаря этому здесь сложились условия, с одной стороны, вынуждавшие университеты руководствоваться императивами независимости и конкуренции, а с другой обеспечивали условия, в которых следование этим императивам действительно могло привести к успеху.

Однако перенос этих ценностей в другие культурные контексты способен порождать острые противоречия. Примером может служить случай Франции, в которой в 2007 г. был принят Закон о свободах и обязанностях университетов. В качестве цели реформы заявлялось создание «нового университета», обеспечивающего «равенство возможностей для всех». Характерно, что за этой формулировкой, традиционной для эгалитаристской французской политики [Романова 2015], скрывался неолиберальный по своему характеру план действий: «Обеспечить равные возможности для всех должна была достаточно стандартная программа расширения рыночного и конкурентного компонентов в данном секторе, которая освободила бы университеты от контроля со стороны центрального правительства и подтолкнула бы их к конкуренции за государственное финансирование, основанной на результатах» [Cremonini et al., 2013: 1121.

Плохо сочетающиеся с рыночным видением ценности французской культуры про-

явились не только в необхолимости использования более социально-ориентированной политической лексики: «Традиционные установки никуда не ушли, что четко проявилось и в смешении "республиканской" риторики (в частности, по поводу "равенства возможностей") и полудирективных государственных инициатив по продвижению реформ в университетах. Можно предположить, что элита французской администрации почувствовала, так же, как и сотрудники университетов, что их профессия может быть уничтожена в результате внедрения иностранных ценностей. Частые попытки со стороны государства апеллировать к традиционным республиканским ценностям, таким, как "равенство возможностей", при проведении изменений в университетах, связанных с международной конкуренцией (которую, в принципе, можно охарактеризовать как злейшего врага этих ценностей) отражают очевидное напряжение и противоречия, связанные с попытками внедрить новые ценностные элементы во французское высшее образование» [Cremonini et al. 2013: 119]. Таким образом, продвижение неолиберальной повестки дня в пределах научной культуры, заметно отличающейся от американской, приводит и к искажению самих мер, которые можно осуществить только при условии их оформления в приемлемые для данной — в этом случае эгалитаристской – культуры формы, и к сопротивлению научного сообщества, не способного разом сменить ценности на диаметрально противоположные, и даже к противодействию бюрократии, обязанной проводить эти меры в жизнь, но опасающейся, что это приведет к разрушению системы управления, частью которой она является.

/

Выразительным примером столкновения национальных и транснационального научных сообществ служит процесс формирования структуры финансирования науки в рамках «Европейского исследовательского пространства» (ЕИП) — системы, которая призвана объединить и упорядочить все европейские научно-исследова-

тельские программы. Основу ЕИП заложили рамочные программы научно-технологического развития, реализуемые Европейской комиссией с 1984 года. Приоритетом первых шести программ были прикладные проблемы, решение которых требовало объединения усилий стран – членов ЕС. Перечни конкретных целей каждой из программ составлялись под влиянием представителей производственного и научного секторов стран-членов, которые, таким образом, расширяли собственные возможности получения субсидий на исследовательскую работу, сохраняя при этом контроль над самими исследованиями. Единственной же европейской организацией, работавшей с фундаментальной наукой, долгое время оставался Европейский научный фонд $(ЕН\Phi)$, созданный в 1974 году. Он управлялся Ассамблеей, в которую входили представители 78 организаций, финансирующих науку в европейских странах. Характерно, что ЕНФ не имел возможности самостоятельно финансировать проекты – его решения представляли собой рекомендации организациям стран, из которых поступили заявки на осуществление проектов, и именно за последними оставалось последнее слово в решении о предоставлении средств. Таким образом, контроль над исследовательскими бюджетами сохранялся на национальном уровне.

Ситуация стала меняться с принятием Седьмой рамочной программы, в которой появился раздел «Идеи», предусматривавший финансирование «передовых исследований» (frontier research). В решении Совета ЕС, касавшемся данного раздела, содержалось разъяснение относительно этой категории: «Термин "передовые исследования" подразумевает новое понимание фундаментальных исследований. С одной стороны, он указывает на то, что фундаментальные исследования, как научные, так и технологические, имеют критическое значение для экономического и социального благополучия, с другой — что исследования на границе современного понимания мира и за ней являются предприятиями, по определению связанными с риском, продвигающимися на новых и наиболее сложных направлениях науки и характеризующимися отсутствием барьеров между дисциплинами». В решении специально уточнялось, что в эту категории попадают проекты, относящиеся к любому направлению науки или технологий [Council Decision 2006].

На практике это означало, что Европейская комиссия утверждает за собой право участвовать в любой научной работе и претендует на этом поле на роль самостоятельного игрока, независимого от национальных организаций. Следующим шагом в этом направлении стало создание Европейского исследовательского совета - организации, специально созданной для финансирования «передовых» научных проектов [Блинов, Талагаева 2014]. Последнее подразумевало окончательную институционализацию финансирования фундаментальных исследований на наднациональном уровне. Это создавало возможность конфликтов между ЕИС и национальными организациями, которые могут возникать в результате конкуренции за исследователей и конкуренции за бюджеты. В первом случае речь идет о том, что ЕИС, открыто нацеленный на отбор лучших проектов из максимально широкого круга заявок и при этом готовый предоставлять гранты, заметно превышающие средний уровень финансирования, который доступен на национальном уровне, способен сконцентрировать среди своих грантополучателей большинство наиболее значимых европейских ученых. Для национальных организаций это может обернуться тем, что, не имея возможности продемонстрировать свою способность выделять из общего круга заявителей ученых первого ряда, которые всегда составляют меньшинство, они лишатся важнейшего аргумента в пользу увеличения или просто сохранения своих бюджетов. В свою очередь, существование дополнительного источника средств на европейском уровне может подталкивать национальные правительства к сокращению собственного финансирования как бесполезно дублирующего европейское. Таким образом, как отмечает швейцарский политолог Дитмар Браун: «...Чем большим объемом ресурсов будет располагать ЕИС и чем более разнообразны будут осуществляемые им программы, тем более заметной будет становиться конкуренция. Это может привести к серьезному напряжению» [Braun 2015: 78].

Важно учитывать, что речь идет об институтах, имеющих особый статус, который задается тем, что одной из их определяющих задач является выражение интересов научного сообщества. И ЕИС, и большинство национальных организаций, финансирующих фундаментальную науку, управляются коллективными органами, состоящими из ведущих ученых, которые выступают в качестве представителей сообщества в целом. Одновременно их задачей является распределение финансирования, исходя исключительно из научного **уровня** проектов, независимо от соображений политического или экономического характера [Коннов 2009]. Таким образом, функция подобных организаций состоит в выражении интересов научного сообщества в вопросах продвижения исследований и распределения бюджета фундаментальной науки. Соответственно, трения между организациями, функционирующими на национальном и наднациональном уровне, могут отражать столкновение интересов, представленных внутри научного сообщества и выражаемых различными фракциями. Ориентация же ЕИС именно на знание, с одной стороны связанное с фундаментальными исследованиями, а с другой - способное иметь заметный социально-экономический эффект, сближает его с глобально-ориентированной фракцией. Именно такое знание, не обремененное обязательствами создающих его организаций перед государством или национальными корпорациями, но способное приобрести форму новой интеллектуальной собственности, может заинтересовать ТНК и подтолкнуть их к сотрудничеству с университетами «мирового уровня», и именно представители таких университетов наиболее сильно вовлечены в глобальное научное поле.

* * *

Проблемы, с которыми сталкиваются vченые стран EC в связи с распространением акалемического капитализма имеют прямое отношение к России. Не являясь участником ЕИП, она, тем не менее, входит в Европейское пространство высшего образования, основу которого заложил Болонский процесс гармонизации стандартов вузовского обучения. Процесс присоединения к нему проходил далеко не бесконфликтно. К. Пурсиайнен и С.А. Медведев характеризуют его следующим образом: «Основным противоречием современного мира является противоречие между силами глобализации (интеграция, гомогенизация, унификация) и силами идентичности, представленными различными национальными государствами, культурными сообществами и группами идентичности. Взаимосвязь этих двух сил отражается в отношении России к Болонскому процессу. С одной стороны, Болонский процесс – это проявление глобализации, и Россия заинтересована в использовании предоставляемых возможностей и глобальных перспектив. С другой стороны, России нужно сохранить свою культурную и образовательную идентичность: к примеру, многие из прославленных научных школ изучают, скорее, абстрактные и теоретические, нежели прикладные методы. Таким образом, структуру российских интересов и возможностей можно охарактеризовать внутренним напряжением между стандартизацией и традицией» [Пурсиайнен, Медведев, 2005: 26]. В этой характеристике речь идет, по сути, о еще одном преломлении противостояния глобально- и локально-ориентированных групп. Этот же конфликт можно обнаружить и в подоплеке дискуссий о том, стоит ли руководствоваться в политике высшего образования международными университетскими рейтингами, о необходимости публиковаться в англоязычных журналах, об исследовательских стандартах в социогуманитарных науках и во многих других случаях.

Взгляд через призму социальных теорий, основанных на экономических категориях,

на столкновении мнений по вопросам науки. в том числе по таким, казалось бы, сугубо техническим, как исследовательская методология, показывает, что даже за подобными оторванными, на первый взгляд, от экономики и коммерции конфликтами вполне можно обнаружить экономические интересы. В данном случае речь идет, по сути дела, о разных стратегиях получения «признания», которое в науковедческой литературе часто рассматривается как основное оборотное средство науки [Latour, Woolgar 1986; Merton 1974]. Выбор «локальной» или «глобальной» стратегии является, по сути дела, индивидуальным решением, которое зависит от того, как тот или иной ученый оценивает свои шансы на признание. При этом оценка эта вовсе не обязательно адекватна реальному положению дел: ученые могут как переоценивать, так и недооценивать свои шансы на продвижение в международном или локальном контексте, или же в принципе заблуждаться относительно условий признания. Однако это не меняет того, что даже такие вопросы. как научная методология, не говоря уже о поддержке исследовательских проектов и финансировании университетов, служат отражением определенных материальных интересов, и не являются замкнутой сферой, функционирующей исключительно по своим особым интеллектуальным законам.

Список литературы

Блинов А.Н., Талагаева Д.А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // Полития. 2014. № 1. С. 174–183.

Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2016. №2. С. 114–140.

Кларк Б. Создание предпринимательских университетов. М.: Высшая школа экономики, 2011.

Коннов В.И. О государственных научных фондах // Российский экономический журнал, 2009, №6, С. 95–101.

Коннов В.И. Развитие системы высшего образования в России и за рубежом: теоретические ориентиры // Право и управление. XXI век. 2013. №1. С. 28–36.

Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // Международные процессы. 2015. № 1. С. 35–47.

Пурсиайнен К., Медведев С.А. Болонский процесс, Россия и глобализация // Болонский процесс и его значение для России. Под ред. Пурсиайнена К., Медведева С.А. М.: РЕЦЭП, 2005. С. 17–28.

Романова М.Д. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции) / / Полис. 2015. №5. С. 119–129.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007.

Braun D. Actor Constellations in the European Funding Area // Wedlin L., Nedeva M. (eds.) Towards European Science: Dynamics and Policy of the European Research Space. Cheltenham: Edward Elgar, 2015.

Bush V. Science, the Endless Frontier. A Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research, July 1945. Washington D.C.: National Science Foundation, 1960.

Canagrajah A. A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Council decision of 19 December 2006 concerning the specific programme: "Ideas" implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006/972/EC). URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=0J:L:2006:400:0243:0271:EN:PDF Accessed: 23.06.2016.

Cohen A., Kisker C. The Shaping of American Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass, 2009.

Cremonini L., Bennworth P., Dauncey H., Westerheijden D. Reconciling Republican 'Egalite' and Global Excellence Values in French Higher Education // Shin J., Kehm B. (eds.) Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition. London: Springer, 2013. P. 99–124.

Dobbin F., Schoonhoven C. (eds.) Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000. Bingley: Emerald Group Publishing, 2010.

Etzkowitz H., Leydesdorff L. [eds.] Universities and Global Knowledge Economy. N.Y.: Continuum, 2001. Kauppinen I. Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class // Globalisation, Society and Education. 2013. Vol. 11. No. 1. P. 1–22.

- Krige J. American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T. Press, 2006.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Mann A. For Better or For Worse: The Marriage of Science and Government in the United States. New York: Columbia University Press. 2001.
- Merton R. The Sociológy of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
- Neal H., Smith T., McCormick J. Beyond Sputnik: U.S. Science Policy in the 21st Century. Michigan: University of Michigan Press, 2008.
- Nelson R. (ed.) National Innovation Systems. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Paasi A. Academic Capitalism and the Geopolitics of Knowledge // Agnes J., Mamadouth V., Secor A., Sharp J. (eds.) The Wiley Blackwell Companion to Political Geography. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. P. 509-523.
- Pfeffer J., Salancik G. The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb, New York; Simon and Schuster, 2012.
- Robinson W. A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press. 2004.
- Rüegg W. (ed.) A History of the University in Europe: Volume 4, Universities since 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Shin J.C., Kehm B. The World-Class University in Different Systems and Contexts // Shin J., Kehm B. (eds.) Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition. London: Springer, 2013. P. 1-13.
- Siepmann T.J. The Global Exportation of the U.S. Bayh–Dole Act // University of Dayton Law Review, 2004, vol. 30, issue 2. P. 209–243.
- Sklair L. The Transnational Capitalist Class. New York: Wiley-Blackwell, 2000.
- Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1999.
- Slaughter S., Rhoades L. Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.
- Williamson J. What Washington Means by Policy Reform? // Williamson J. (ed.) Latin American Readjustment: How Much Has Happened. Washington D.C.: Institute for International Economics, 1990. P. 7–20.

GLOBAL ACADEMIA AND NATIONAL SCHOLARLY CULTURES

POINTS OF CONTENTION

ALEXANDER BALYSHEV

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation

VI ADIMIR KONNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article attempts to analyze the configuration of interests within scientific communities, which is characterized by a juxtaposition between researchers disposed towards a global research space and scientists primarily associated with national science systems. This juxtaposition is examined from a viewpoint of "academic capitalism" and "transnational capitalist class" theories, both of which are skeptical towards globalization. The aim of the analysis is to determine the causes of such a positioning of

scientists within the community. The main hypothesis of the article is that the key premise of this conflict is divergence of interests between scientists, aiming to improve their situation by increasing the flow of state resources, and researchers prioritizing participation in global science, which is dependent on connections with its infrastructure including world class universities, transnational corporations, and supranational organizations providing financial support of research.

The article offers an overview of the international development of science in the period from the late 1940s till the current decade. It accentuates the following milestones: the emergence of a distinct division between basic and applied science in the decade following World War Two, an explosive growth of higher education in the 1950-60s, reforms of intellectual property regulations and university funding in the 1980s; a realignment in relations between state and university in the 1990s.

The article also considers a number of cases, which allow to determine the causes leading to the division of the scientific community into fractions representing diverging interests. Among them are the following: the problem of participation in English-language scientific press for researchers from non-English-speaking countries; development of world class universities in countries with strong scientific traditions differing from the American tradition, which dominates the global research space; collision of interests between national and supranational levels of research funding in Europe. The main conclusion made based on these cases is that the emergence of fractions in the scientific community is closely connected to wider social-economic contradictions, first of all those arising between globally and locally oriented social groups.

Keywords:

scientific community; academic capitalism; science policy; world class universities; national science foundations; European Research Council

References

- Blinov A.N., Talagaeva D.A. (2014). Nauchnoesoobshchestvokakpoliticheskiiaktor: rol' mezhdunarodnykhna uchnykhob'edinenii [Scientific Community as a Political Actor: The Role of International ScientificInsitutions]. *Politiia*. No. 1. P. 174–183.
- Bourdieu P. (2007). Sotsial'noeprostranstvo: poliaipraktiki [Social Space: Fields and Practices] Moscow: Instituteksperimental'noisotsiologii. 288 p.
- Braun D. (2015). Actor Constellations in the European Funding Area. InWedlin L., Nedeva M. (eds.) *Towards European Science: Dynamics and Policy of the European Research Space*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 61–82. DOI 10.4337/9781782545514.00010
- Bush V. (1960). Science, the Endless Frontier. A Report to the President on a Program for Postwar ScientificResearch, July 1945. Washington D.C.: National Science Foundation. 184 p.
- Canagrajah A. (2002). A Geopolitics of Academic Writing. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 332 p.
- Clark B. (2011). Sozdanie predprinimateľskikh universitetov [Creating Entrepreneurial Universities]. Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki. 240 p.
- Cohen A., Kisker C. (2009). The Shaping of American Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass. 630 p.
- Cremonini L., Bennworth P., Dauncey H., Westerheijden D. (2013). Reconciling Republican 'Egalite' and GlobalExcellence Values in French Higher Education. In Shin J., Kehm B. (eds.) *Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition*. London: Springer. P. 99–124.
- Dobbin F., Schoonhoven C. (eds.) (2010). Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000. Bingley: Emerald Group Publishing. 467 p.
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. (eds.) (2001). *Universities and Global Knowledge Economy*. N.Y.: Continuum. 184 p.
- Fukuyama F. (2007). Konets istorii i poslednii chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST. 488 p.
- Istomin İ.A., Baykov A.A. (2015). Sravnitel'nye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov [Russian and International Publication Practices. A comparative study of IR Scholarly Journals]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 114–140.
- Kauppinen I. (2013). Academic capitalism and the informational fraction of the transnational capitalist class. *Globalisation*, *Society and Education*. Vol. 11. No. 1. P. 1–22.
- Krige J. (2006). American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: M.I.T.Press. 376 p.

- Konnov V.I. (2013). Razvitie sistemy vysshego obrazovanija v Rossii i zarubezhom: teoreticheskie orientiry [Development of Higher Education Systems in Russia and Abroad: Theoretical Guidelines]. *Pravol upravlenie. XXI vek.* No.1. P. 28–36.
- Konnov V.I. (2009). O gosudarstvennykh nauchnykh fondakh [On State Science Foundations]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. No. 6. P. 95–101.
- Konnov V.I., Repina M.I. (2015). Evoliutsiia modelei universitetskogo upravleniia ot «studium generale» do «predprinimatel'skogo universiteta» [Evolution of University Management Models from «Studium Generale» to «Entrepreneurial University»]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 1. P. 35–47.
- Latour B., Woolgar S. (1986). Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton UniversityPress. 294 p.
- Mann A. (2001). For Better or for Worse: The Marriage of Science and Government in the United States. New York: Columbia University Press. 240 p.
- Merton R. (1973). The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: The University of Chicago Press. 605 p.
- Neal H., Smith T., McCormick J. (2008). Beyond Sputnik: U.S. Science Policy in the 21st Century. Michigan: University of Michigan Press. 386 p.
- Nelson R. (ed.) (1993). National Innovation Systems. Oxford: Oxford University Press. 541 p.
- Paasi A. (2015). Academic Capitalism and the Geopolitics of Knowledge. In Agnes J., Mamadouth V., Secor A., Sharp J. (eds.) The Wiley Blackwell Companion to Political Geography. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 509–523.
- Pfeffer J., Salancik G. (2003). The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. Stanford: Stanford University Press. 300 p.
- Pursiainen K., Medvedev S.A. (2005). Bolonskiiprotsess, Rossiiaiglobalizatsiia [Bologna Process, Russia and Globalization]. In Pursiainen K., Medvedev S.A. (eds). *Bolonskii protsess i ego znachenie dlya Rossii*. [Bologna Process and its Implications forRussia]. Moscow: RETSEP. P. 17–28.
- Rhodes R. (2012). The Making of the Atomic Bomb. New York: Simon and Schuster. 886 p.
- Robinson W. (2004). A Theory of Global Capitalism. Baltimore: The John Hopkins University Press. 200 p. Romanova M.D. (2015). Vliianie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoi politiki (opyt Frantsii) [Influence of Cultural Context on Formation of Science Policy (French Experience)]. Polis. No. 5. P. 119–129.
- Rüegg W. (ed.) (2011). A History of the University in Europe: Volume 4, Universities since 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 635 p.
- Shin J.C., Kehm B. The World-Class University in Different Systems and Contexts. In Shin J., Kehm B. (eds.) (2013). *Institutionalization of World-Class Universities in Global Competition*. London: Springer. P. 1–13.
- Siepmann T.J. (2004). The Global Exportation of the U.S. Bayh–Dole Act. *University of Dayton Law Review*, Vol. 30, No. 2. P. 209–243.
- Sklair L. (2000), The Transnational Capitalist Class, New York; Wiley-Blackwell, 335 p.
- Slaughter S., Leslie L. (1999). Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore:The John Hopkins University Press. 276 p.
- Slaughter S., Rhoades L. (2009). Academic Capitalism and the New Economy. Baltimore: The John Hopkins University Press. 370 p.
- Williamson J. (1990). What Washington Means by Policy Reform? In Williamson J. (ed.) Latin American Readjustment: How Much Has Happened. Washington D.C.: Institute for International Economics. P. 7–20.